

Алексей Соломаха

МАНКУНИАНЕЦ

Минск
«Колорград»
2021

УДК 821.161.1(476)-312.6

ББК 84(4Бел=Рус)-44

С60

ISBN 978-985-596-943-4

© Соломаха А. М., 2021

© Оформление.

ООО «Колорград», 2021

Посвящается Ире

В 1982 году, в бытность студентом переводческого факультета Минского иняза, я побывал на стажировке в Великобритании. С тех пор пали все мыслимые барьеры и столько довелось поездить и в стольких местах жить более или менее продолжительный период, что отводить неполным трем месяцам какую-то значительную роль вроде как и неуместно уже. Это был излет моего второго десятка — возраста, о котором хорошо сказала Зинаида Гиппиус: “Самый неблагодарный, да и неприятный, возраст — 17–20 лет. К жизни еще не привык, к себе самому тоже. Ни жизни, ни смерти, ни людей не понимаешь, а между тем убежден, что отлично все видишь, понял и даже во всем слегка разочаровался”. Ни разочарования, ни пресыщенности я в двадцать лет не испытывал, а вот понимающим себя считал. Но тут грянула Британия, и смешная советская юность потеряла уверенность в себе.

“I hope your stay here will not only be about jeans and records”, — устало сказал нам, группе из десяти человек (четверо минчан, пятеро горьковчан и “преподаватель из Череповецкого иняза”), декан Дидсбери-колледж — структурной единицы Манчестерского политехнического института, на кам-

пуге которого работали несколько гуманитарных кафедр. “Надеюсь, ваше пребывание здесь не сведется к джинсам и пластинкам”. Это ж сколько стараний приложили наши предшественники (Манчестер принимал советских студентов регулярно), чтобы только этим и запомниться. С одной стороны, обидные шаблоны надо было развенчивать, с другой... купленные Levi’s я носил долго, практически не снимая, а привезенные несколько пластинок со временем стали на вес золота не только по причине того, что это уже раритетные издания, а потому что и музыку, и профессию, и женщину, и вид из окна нужно выбирать правильно.

Несколько лет назад Британия как-то остро напомнила о себе: будто кто-то настойчиво звал оглянуться, не показываясь при этом из придорожных зарослей. I couldn’t place my finger on it, сказали бы англичане. Я решил не ждать озарений и стал набрасывать одну за другой стихотворные зарисовки. Память проснулась и начала нашептывать подсказки — одно воспоминание тянуло за собой другое. В тоннеле светало...

Эта книжка лишена сюжетной линии и украшающих придумок. Есть художественные приемы (так, в “Диспуте” объединены два разных события), но это вольности малозначительные.

К БРИТАНИИ

Молочные реки, кисельные берега.
Ты когда-то была желанна и дорога.
Но на то и жизнь, чтобы кто-то на ней пасся,
а у тебя на этой почве росли рога.

С той поры я давал и к другим континентам крен,
попытался менять их, но редьки не слаще хрен.
Жил в горах, на склонах которых деньги
ничего не значат, если встретится сюзерен.

На посадочной меньше огней, чем в бумагах лет.
Растворился в густых облаках реактивный след.
Вдоль мощеных Римом дорог пролегли другие.
Стережет дома не смыкающий глаз бересклет.

Может, виза действительна лишь в молодой
сезон,
но туманно мое бывшее более, чем Альбион:
я едва могу вспомнить, какой бесконечный берег
открывается с самолета, отвешивающего поклон.

Так во время битвы помощь союзных орд
не приходит, хотя спешает во весь опор.
Выходи же, память, из дома на задний дворик,
и давай разбирать всё, что свалено под забор:

лица, даты, предметы, прозрения и слова,
на которые так богаты Британские острова,
раз хватило на целый мир и его орбиты,
а с учетом Шекспира, пожалуй, что и на два.

Наш отъезд на стажировку несколько раз откладывался. Институт кивал на Москву, Москва — на англичан. Англичане уже во время нашего пребывания там разводили руками и делали круглые глаза: да мы бы вас еще в августе приняли месяца на четыре! Но в октябре бюрократические колеса произвели, наконец, скрежет. В перерыве между парами к нам подошел замдекана, громко сообщил, что можем собираться, а шепотом — чтобы никто не вздумал везти обратно “Доктора Живаго”. Может, именно это предостережение отложилось в подсознании и подсказало десятилетиями позже формат “Манкунианца”. Но скорее всего, причина в другом: я плохо изъясняюсь в прозе. Этот разгуляй мне чужд: пишешь слово, за ним второе, третье, и вот их уже на десяток больше, чем необходимо. *Ab abundantiam*. В какой-то точке письменной речи происходит бессмысленное переполнение. Со стихами — по-другому. Они, как правило, безошибочно выбирают тему, достойную проговаривания, и обходятся верными

и немногими словами. Но писать повесть в стихах не хотелось, и я решил положиться на ощущения: попросится поэтическое слово на язык — так тому и быть, промолчит — обойдемся прозой.

Отправлялись на стажировку мы, минчане, вшестером: Валера Чижевский, Сережа Чернявский, Витя Ситько, Эдик Грамович, Игорь Витковский и я. Грамовича и Витковского из дальнейшего повествования опустим: в Англии их ждала другая дорога.

В Москве, за день до отлета, мы явились в ЦК КПСС за напутственным словом. Там, у дверей подъезда в переулке Степана Разина, в ожидании приема кем-то из инструкторов или завотделов коротали время вместе со студентами из Москвы и Горького. Валера любил располагать к себе, для чего и хвостом мог повилать. “Извините, — обратился он к одному из москвичей. — Не подскажите, что это за храм?” (лубочная церквушка со всех сторон была окружена административными зданиями и видна только тем, кто пришел за благословением партии.) “Святая Барбара, — отвечивал столичный школяр. — Учебник истории для средних классов читать надо”.

Прозвучала бы “Варварка”, я бы не обратил внимания, но “Барбара” насторожила. Поскольку ожидание затягивалось, я решил проверить. Оказалось — храм Святой Троицы в Никитниках. Покрестились мы с Чижевским мысленно на купола, чтобы не попасть с хамоватыми столичностями в одну компанию, и так оно и сложилось: москвичей направили в Лондон, а нас — Валеру, Витю Ситько, Сережу Чернявского и меня — в Манчестер.

“We’ll take more care of you the world over”, утверждал рекламный щит в Хитроу. Гостеприимство британцев в воздухе нам оценить не пришлось — летели мы “Аэрофлотом”. Через проход от меня сидели парень с девушкой и без конца целовались, по-моему, даже когда ели. Еще запомнились сообщения экипажа, громкие и отчетливые, как призывы гидов на Красной площади посмотреть налево-направо. Нынешний же стандарт общения — тихое, невнятное бормотание, видимо, призванное работать на атмосферу доверия и расслабленности — я называю skipper babble. Ощущение такое, будто авиакомпания отправила пилота в рейс досыпать. “Дамы и господа, грит

каптан с мостика (надо же!)... пшшш... нормаль-но... температура.... пшшш... цельсию.... пшшш.... турбулентность.... пшшш... попробуем”. На родном ли языке, на иностранном ли “грит каптан”, значения не имеет — манера одна.

Лайнер опрокинулся набок, и иллюминатор заполнила земля, очерченная белым, обрывистым берегом.

Служащий на паспортном контроле поинтересовался целью визита и, зачеркнув в иммиграционной карточке “белорус”, приписал “совет”. Так был преподан первый британский урок: nationality означает гражданство, а не горделивую летаргию.

Приветливую девичью мордашку на рекламе, увиденной в аэропорту, я про себя окрестил “хитроулыбкой” и, довольный тем, что день языково задался, пошел грузиться в автобус. Такой транспорт мы видели впервые. Салон больше походил на обстановку ресторана или клуба, со столами и мягкими креслами, развернутыми к ним попарно. Представитель колледжа, невысокий плотный мужчина лет шестидесяти, представившийся Мерсером, называл это чудо “coach” — экипаж. Дорога в Манчестер заняла часа четыре.